

Труды — 1993 — 12 апрель

«Срамной» поэт

Несколько фрагментов из жизни Ивана Баркова, сочинителя знаменитого и неизвестного

Немного, наверное, на Руси людей, которым эта фамилия ни ничего не говорит, большинство же слышало ее уже в старших классах и непременно в связи с некими «похабными» стихами, никем, правда, лично не читанными. И если заходила о них беседа, особенно осведомленные ссылались обычно на поэму о Луке, чьи мужские достоинства были столь велики, что... Впрочем, Лука — Лукой, а вот сам Барков! Не каждый, за редким исключением, мог ответить, кто он таков, откуда и почему до сих пор не забыт.

СОХРАНИЛСЯ любопытный документ, по тогдашним правилам (а писан он в апреле 1749 года) названный «Доношением», по нынешним же — элементарная докладная, подаваемая начальству. Ее автор профессор Михайла Ломоносов извещает канцелярию Академии наук: так, мол, и так, пришел к нему воспитанник духовной семинарии при Александроневском монастыре в Петербурге Иван Барков, попов сын, 16 лет от роду. «Просил меня, чтоб я его экзаменовал. И по его желанию говорил я с ним по латине и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие...»

Предшествовало тому следующее событие — при Академии наук основан был университет. Первых 30 студентов выбирали из семинаристов, устраивая им серьезные испытания (зачислялись-то на казенный кошт). Иван Барков, уже прошедший классы грамматики и переведенный в класс пиитики, на собеседования не попал — болел. Когда выздоровел, до занятий в университете оставался месяц, все тридцать вакансий, естественно, заполнены, однако попов сын ни робостью, ни сомнениями не страдал — явился к господину профессору проситься в студенты. И тот сделал вывод: «ежели канцелярия заблагорассудит его с прочими семинаристами в Академию потребовать, то я уповаю, что он в науках от других отменить себя сможет».

Вы замечали, как накатанно-хрестоматийно начинаются биографии многих славных мужей, и не только российской истории? Почти всегда в их основе один из вариантов формулы: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». А тут иное. Ломоносов действительно благословил Баркова в студенты, но «в гроб сошел» лишь шестнадцать лет спустя, большую часть которых они тесно общались. Причем, как утверждают исследователи, общались отнюдь не всегда по «высокому» поводу, особенно последние годы, когда Ломоносов стал сильно попивать, и в этих возлияниях постоянным ему напарником был Иван Барков, боец противу зелия закаленный, поскольку (опять же по воспоминаниям современников) был «всю свою жизнь пьяница горчайший». Существует, например, «доношенная» классика отечественной литературы А. Сумарокова, где рядом стоят имена Михайлы Васильевича и его сотоварища по Бахусу: вот, дескать, два известных «академических пьяницы...».

Вряд ли то были просто сплетни, если учесть атмосферу в университете. Студенты судя по материалам академической канцелярии, нутили столь часто и буйно, что вынудили начальство истребовать команд из восьми солдат для поддержания порядка и сечения провинившихся розгами, а также изгнания «из студентских комнат» случайных женщин. Увы, Иван Барков в приказах президента Академии упомянут не однажды, и всякий раз с приговором: подсергнуть порке за самовольную отлучку «и другие мерзкие проступки...». Но, верно, процедура эта не давала никакого результата и вала — в конце концов президент, оповещенный об очередном хмельном скандале неурядице поповича, вздохнул тяжело и изрек: «Изгнать!». Подумал и добавил: «В типографию. Учеником наборного дела. И жалованием положит два рубля на месяц. А еще обязать обучаться российскому штилю и языкам. Французскому и немецкому...».

Так ли в точности говорилось, может сказать только при том присутствовавший, однако именно подобным образом потекла дальнейшая жизнь Ивана Баркова, человека маленького до того, что в казенных бумагах не зафиксировано его отчество. Одни говорили: Степанович, вторые — Иванович, третьи нарекли Семеновичем. На последнем и остановились. Даже портрет его, помещенный в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, вероятно, приблизительный — очень уж официально парадный, не соответствующий низкому служебному положению, которое занимал Барков. Может быть, благодаря портрету, изображающему благополучного и благопристойного чиновника, родилась значительная позже легенда о являющемся поэту милости императрицы.

Якобы сочинил Иван Семенович, проживая в своей родовой деревеньке Баровне, неприличные стихи о Екатерине Второй и сиятельном графе Григории Орлове, а они неведомо как оказались у царицы. Возмущенная Екатерина распорядилась немедленно доставить автора в столицу, непременно — в мандалах, и — ниним в наздание! — предать мучительной казни. Естественно, доставили, доложили: государст-

венный преступник — здесь! Час был ранний, Екатерина еще нежилась в постели, тем не менее повелела: «А подать-ка его сюда, хочу видеть сего оскорбителя приличий». Повеление исполнили, ввели Барнова в спальню, откуда он, сообщает легенда, «вышел через три дня, держась за стену, но с графским достоинством. И стал с тех пор служить при дворе...».

Как ни завлекателен этот анекдот (а подобных о Баркове придумано много), ничего общего с реальностью он не имеет. Не было родовой деревеньки, не служил он при дворе. Служил, отчаянно бедствуя на мизерном денежном содержании, определенном ему академией, в типографии — наборщиком, корректором, прошениями напоминая канцелярии об «убогом своем нынешнем состоянии» и необходимости «прибавить к окладу жалования». Но и самые слезные прошения не возымели бы действия, когда бы не ценило академическое начальство его явные дарования. А тут прибавку дали, назначили академическим копистом — «для переписки набело случающихся дел», потом прикомандировали к Ломоносову, к которому он ходил ежедневно после полудня. Ходил для переписки, по собственному признанию И. Баркова, «Российской грамматики, коя мною и переписана уже двоекратно; да сверх того разных его сочинений в стихах и прозе том вторый, таже и других его дел не малое число».

Нудное дело, противное канцеляристу, уже снискавшему известность «остроумными и колкими сатирами, написанными прекрасными стихами, на глупости новейших русских поэтов». Сатиры эти распространялись изустно и в рукописях, как, впрочем, и остальные «похабные», «скабрзные», «неприсстойные» его произведения, но увенчавшие Баркова славою. Ну кто сегодня (кроме специалистов, разумеется) знает принадлежаче перу Ивана Семеновича очерк русской истории от Юрия до Петра I, «Житие князя А. Д. Кантемира», оду «На всерадостный день рождения Петра III»? Найдется ли среди нас любитель, прочитавший его переводы сатир Горация и басен Фэдра, стихотворной пьесы «Мир героев...» Итальянское сочинение доктора Лудовика Лазарони, венетианина? Кому ведомы и прочие его научные и литературные труды? Между тем они оценивались весьма высоко.

А вот «Ода Приапу» (богу плодородия и сексуальной мощи), где что ни строка — то нецензурное слово, в Лету не канула, хотя опубликована никогда не была. Но не ее ли и другие произведения Баркова прежде всего имел в виду Александр Сергеевич Пушкин, заметив как-то в разговоре: он, мол, не сомневается, что первыми книгами, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова, ибо Барков — одно из знаменитейших лиц в русской литературе...

Пушкин оказался правдивцем — только что, через 225 лет после смерти Ивана Семеновича, московское издательство «Ладомир» отпечатало тираж книги «Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова» — первое научное издание, подготовленное Андреем Зоринным и Никитой Саповым. На основе нескольких рукописных сборников, сберегаемых в архивах, они составили один, но полный, сопроводив его подробнейшими комментариями и не заменив, как принято, точками ни единого выражения в текстах, некогда считавшихся порнографическими. Они и не склонны относить стихи к порнографическим. Да, там сплошь и рядом называются мужские и женские детородные органы, но у читателя создается впечатление, будто сидит он на представлении кукольного театра и наблюдает действия персонажей откровенно условных. Конечно, «куклы» эти изготовлены, так сказать, по образу и подобию, и отношения между героями пьесы вполне определенные, одна игра — она и есть игра, а зритель в пьесе не участвует.

Молва угодно было называть Баркова одной красной. Уже и в наши дни доводилось встречать пересказ старого анекдота, как академическому переводчику Баркову поручили перевести на русский язык иностранный филиант, стоящий чезвычайно дорого. Пришел срок а задание не выполнено. Почему? Барков отвечает: «Книга переводится!» Еще месяц истек. «Где работа?» — попытываются заказчики. «Переводится!» Время спускается опять призывают: «Где?..» А он — эдак лихо: «Да переводится же! Сначала в одном месте заложил, потом в другом... Вот так из кабака в кабак и переводится...»

Есть подозрение, что худой молве немало поспособствовали современники, особенно те из них, кого насмешливый и острый на язык Барков обидел пародиями и эпиграммами, — свой брат-стихотворец оказался мстительным. А Барков в «скабрзных» стихах, издевался над напыщенным поэтическим стилем литературных мэтров, не без удовольствия декламируя плоды вдохновения среди себе подобных. В те годы в российской столице образовались кружки, объединившие людей разного рода-племени и положения, но равно приверженных бражничеству и стихосложению. Собирались и — резвились, не сдерживая фантазии и не заботясь об этикете. Ломоносов, кажется, не одобрял таких сходок, упрекал Баркова за живейшее в них участие: «Не знаешь, Иван, цены себе, поверь, не знаешь!» Правда, говаривалось это тоже в застолье, и, не исключено, так прорывалось горестное недоумение Михайлы Васильевича: обласканный им академический переводчик, можно сказать, друг и соратник (а подразумевалось: и собутыльник!) позволял себе дерзость пародировать, причем — безжалостно, и учителя.

Долголетняя работа «при коллежском советнике и профессоре» господине Ломоносове» превратила шалопутного экс-студента в ученого, чей высокий профессионализм признавали даже откровенные недоброжелатели. Но вот ведь и мы вспоминаем сейчас о нем потому только, что вышла в свет «Девичья игрушка», самый первый вариант которой во время оно Барков и составил, включив туда сочинения собственные и сочинения товарищей по кружку. С того варианта сборника, пущенного по рукам, делались бесчисленные копии «для себя», в него заносились и новые стихи, даже написанные уже после смерти Ивана Семеновича, и всякий следующий читатель «Игрушки» полагал, будто перед ним — творения незабвенного Ивана Баркова: ну кто, кроме него, способен был так вольно обращаться с запретными словами? Кто, кроме него, мог легко вторгаться в темы, коробящие благовоспитанные вкус и слух? Ясно, никто. И когда появилась знаменитая поэма о Луке с неудобноприносимой фамилией (появилась, как доказано, в послепушкинскую эпоху), читающая публика «угадала» автора: Барков!

А он к тому дню покойлся на кладбище. Ушел из жизни нищим, уволенным от должности после смерти постоянного заступника — Ломоносова: то ли недруги свели с ним счеты, то ли начальству надоели нескончаемые его происшествия. Редкие биографы расходятся в версиях кончины Баркова. Одни утверждают: он покончил с собой, его обнаружили голым, с воткнутой в одно место запиской «Жил Барков — грешно, а умер — смешно!» Версия сомнительная, — самоубийства тогда не были в моде. Другие настаивают: умер под хмельком и в объятиях женщины. Третьи уверяют: умер в 1768 году от побоев в публичном доме...

Конечно, последняя точка в биографии важна. Но она за давностью расплылась и стала столь бледна, что ее вроде бы и нет. И получается, «срамной», «потаенной», запрещаемый к печати поэт и ныне здравствует.

Действительно, здравствует. В стихах.

Предвидя, вероятно, негодование ревнителей чистоты российской словесности (мол, за чем публиковать такое хулиганство?), составители научного издания «Девичья игрушка» заявляют: они считают, что публикация по существу неизвестных текстов, вызывающих сегодня как читательский, так и исследовательский интерес, не требует каних бы то ни было объяснений и оправданий.

Давайте присоединимся к ним.

Владимир СВИРИН.